

ленности. В то время, как “приемлемое” утверждает общий горизонт коммуникантов, “инородное” выделяет их из отношений взаимозависимости в той мере, которая не препятствует достижению согласия. Сфера *Innenwelt*, хотя и входит в состав кодовой структуры, смягчает механизмы приспособления к окружению, продиктованные социокультурными кодами “приемлемого”, выступая “реле” усвоения того, что предлагается в ходе информационно-интенционального обмена, и преобразования его в часть собственного опыта автоматически, без фактической интерпретации последнего, реализуя таким образом идею «несимметричности», и обеспечивая разрыв замкнутой двузначности «Я – не-Я» или «Я - Тотальность».

Несмотря на условность понятий “приемлемого” и “инородного” и их непрерывную диффузию и обособление, осознание соотношения этих социокультурных кодов приводит к самопризнанию общества, которое результирует в усвоении роли возможного субъекта идеальной коммуникации, способного воспринимать не просто адресата информации, а и его Лицо. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что главным критерием его определения есть возможность адекватного восприятия смыслов любого аргумента, для чего необходимо преодолеть внутренние и внешние препятствия, коренящиеся в принципиальном различии культур.

Источники и литература

1. Amstutz, Mark R. *International conflict and cooperation: An introduction to world politics.* – Madison etc.: Brown & Benchmark, 1995. – 485 p.
2. Bell, Daniel. *The Cultural Contradictions of Capitalism.* – London: Heinemann, 1976. – 301 p.
3. Habermas Jurgen. *Communication and the Evolution of Society* // Transl. and with an introduction by T. McGarthy. – London: Heinemann, 1979. – 239 p.
4. Бжезинський, Збігнев. Велика Шахівниця. – Львів – Івано-Франківськ: Лілея – НВ, 2000.– 236 с.
5. Бубер М. Я и Ты: Пер. с нем. – М.: Высшая школа, 1993. – 173 с.
6. Вальденфельс, Бернард. Топографія Чужого: студії до феноменології Чужого. – Київ: ППС – 2002, 2004. – 206 с.
7. Ділі, Джон. Основи семіотики: Перекл. з англ. та наук. ред. Анатолій Карась. – Львів: Арсенал, 2000. – 232 с.
8. Кастельс, Мануэль. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУВШЕ, 2000. – 608 с.
9. Левінас, Емануель. Між нами: дослідження Думки-про-іншого: Пер. з фр. – К.: Дух і літера: Задруга, 1999. – 312 с.
10. Тейлор, Чарльз. Етика автентичності: Перекл. з англ. – К.: Дух і літера, 2002. – 128 с.
11. Турен А. Повернення дієвця: Пер. з фр. – К.: Альтерпрес, 2003. – 320 с.
12. Уолцер М. Про толерантність: Пер. з англ. М. Лупішко. – Харків: Видавнична група „РА Каравела”, 2003. – 148 с.
13. Хантінгтон С. Захід: унікальність versus універсалізм // Філософська думка. – 1999. – №1–2. – С. 82–100.

Богачевская И.В.

ХРИСТИАНСКАЯ НАРРАТИВНАЯ ТРАДИЦИЯ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В контексте лингвистического и дискурсивного «поворота» в мировой философии в современном мировом религиоведении возрастает заинтересованность религиозным дискурсом, языковыми и текстовыми проявлениями феномена религии. Исследования христианской письменной традиции на протяжении многовековой истории ее существования традиционно проводились в рамках конфессиональной теологии, и христианский нарративный комплекс не становился самостоятельным объектом философско-религиоведческой рефлексии. Системное изучение письменных традиций мировых религий находится в светском религиоведении на начальных этапах, некоторые проблемы вообще не поднимались и ждут своего исследования. Вместе с тем в современном религиоведении [См.: 1] и гуманитаристике (лингвистика, нарратология, семиотика, социология, теория коммуникаций и т.п.) накоплен немалый опыт как теоретического осмысления письменных традиций мировых религий, так и методов анализа конкретных религиозных текстов.

Данная статья представляет собой изложение основных выводов, полученных автором в процессе написания докторской диссертации по заявленной теме на базе кафедры религиоведения Киевского Национального университета имени Тараса Шевченко[2].

Предметным полем философско-религиоведческого исследования христианской нарративной традиции была выбрана условная последовательность следующего порядка: религиозный язык - религиозный текст - корпус религиозных текстов - письменная (нарративная) традиция, рассмотренная в контексте процессов религиозной коммуникации на определенном конфессиональном и социокультурном фоне. Современные тенденции развития дисциплинарной структуры отечественного и мирового академического религиоведения позволили выдвинуть в качестве методологии исследования христианской нарративной традиции исследовательские принципы лингвистического религиоведения [3].

Вместе с тем исследование не подтвердило возможности создания целостной и аутентичной сугубо ре-

лигиведческой методологии и методики анализа, которая бы подходила для любых религиозных текстов. Ведь выбор тех или других методик анализа религиозных текстов каждый раз обуславливается целями и задачами, которые ставит исследователь, и научным направлением, к которому он принадлежит. Примененная в исследовании методология является междисциплинарным синтезом наиболее продуктивных исследовательских приемов анализа религиозных текстов в современной гуманитаристике, в первую очередь в философии языка и лингвистике.

На основе компаративного анализа приемов исследования текстов, предлагаемых такими направлениями современной гуманитаристики, как дискурс-анализ, семиотика, теория коммуникации, нарратология, этнолингвокультурология, социология массовой коммуникации и т.п., установлено, что анализ христианской нарративной традиции целесообразно проводить как исследование составляющей семиотического пространства (семиосферы) христианской культуры, специфического проявления религиозного дискурса христианства. Семиотическая парадигма (семиотика текстов по Йогансену и Дили и семиотика культуры Лотмана) исследования христианской нарративной системы оказалась продуктивной как при религиозноведческом анализе конкретных религиозных текстов, так и в процессе более широкого исследования христианского религиозного дискурса как дискурса культуры. Доказанная перспективность литературоведческого подхода (в русле сравнительно-исторического литературоведения и сюжетологии), продуктивность применения в лингвистическом религиозноведении нарратологических принципов и концептуальных моделей, эффективность социологических методов (квалитативный, квантитативный, контент-анализ) при изучении современных коммуникативных процессов в религиозной среде.

Совокупность конкретных практических приемов анализа текстов христианской нарративной традиции сформировалась в христианской теологии. Условно их можно разделить на методики историко-критического литературоведческого анализа и герменевтические подходы к библейским текстам. Анализ развития христианской герменевтической традиции в контексте «триумвирата богословско-филологических дисциплин» – экзегетики, герменевтики и гомилетики, их школ и методологических направлений в исторической перспективе позволил впервые в отечественном религиозноведении актуализировать герменевтический опыт христианской теологии. Основными типами герменевтической деятельности относительно христианских текстов являются: перевод, реконструкция и диалог. Выделены две основных тенденции в современной христианской герменевтике: либеральные, допускающие определенную десакрализацию библейского текста и консервативные, признающие непогрешимость Библии и стремящиеся достичь истины в рамках конфессиональной догматики. История христианской герменевтической традиции была осмыслена как история формирования в недрах богословия одного из самых перспективных научных направлений современности – герменевтики, в качестве примера одного из самых плодотворных синтезов научной и религиозной мысли, который продолжается и сегодня. В этом контексте проанализированы современные структуралистские и постструктуралистские направления философско-герменевтического анализа текстов, влияющие на современное христианское богословие, как проявления двух противоположных подходов к тексту и дискурсу: герменевтического и антигерменевтического (постмодернистского).

Осуществление философско-религиведческого анализа христианской нарративной традиции требовало создания адекватного понятийно-категориального аппарата исследования, создания его терминологической базы. Если для текстового анализа отдельных структурных компонентов христианской нарративной системы пригодными оказались базовые философские и лингвистические категории, такие как «язык», «текст», «контекст», «монолог», «диалог» и т.п., то задача анализа христианской нарративной традиции в целом как проявления христианского религиозного дискурса в семиотическом пространстве христианской культуры для своего решения требовала введения некоторых специфических терминов. Была впервые проанализирована взаимосвязь понятий: семиосфера религии, христианский религиозный дискурс, религиозный текст, религиозный язык, даны их религиведческие дефиниции. Термины язык и текст в контексте диссертационного исследования оказались видовыми по отношению к объединяющему родовому термину дискурс. Понятие христианский нарратив, христианская нарративная традиция занимают промежуточное место между понятием язык и понятием текст. Христианский нарратив репрезентуется как текстовая традиция (вербальная и невербальная, устная и письменная), целостная совокупность текстов определенной жанровой структуры, связанных общим способом употребления языка, абстрактную модель которого можно назвать метаязыком христианства. Принципиально то, что все рассмотренные сроки не образуют оппозиций и выраженных дихотомий.

Понятие «тип дискурсии», «дискурсивная сфера» и связанные с ними дискурсивные эпистемические трансформации принципиальны для исследования христианского нарратива. Под дискурсом здесь понимается сложное коммуникативное событие, которое включает рядом с текстом и экстралингвистические факторы – прагматические, социокультурные, психологические. Именно эти параметры формируют специфические характеристики, которыми религиозные тексты отличаются от текстов других типов дискурсии. Религиозный дискурс – это дискурс веры, которая доминирует над рациональным знанием и при этом не исключает, а, наоборот, допускает знание-откровение, в сфере религиозной дискурсивной практики вера как глобальная мировоззренческая категория выступает высочайшей intersubъективной ценностью. В сфере религиозной дискурсии истинность понимается не как соответствие действительности, а как соответствие высшему, сакральному носителю истинности – Библии, и соответственно операция верификации, по сути дела, объединяется в единое целое с операцией объяснения, носит текстуальный характер отсылания. Попытки применения в сфере религиозной дискурсии логизированных, подчеркнута рациональных верификационных процедур научного дискурса напрасны, истинностная оценка религиозного текста может дополняться таким специфическим параметром, как степень достаточности веры автора. Для анализа религиозно-

го дискурса, который понимается как религиозный текст в ситуации реального общения, возможно применение разных исследовательских подходов. С позиций имманентно-лингвистического подхода, который исходит собственно языковой материал, лексико-грамматическую ткань религиозного текста, можно анализировать религиозный дискурс в аспекте полноты, правильности, логичности высказываний, которые составляют рассматриваемый текст. В рамках социолингвистического подхода к позициям участников общения все виды религиозного дискурса распадаются на личностно и статусно ориентированный дискурс. В рамках прагмалингвистических концепций дискурса противопоставляются такие виды общения как ритуальное / неритуальное, информативное / фасцинативное, фактическое / нефатичне, прямое / косвенное.

Нарративная традиция – это способ оформления религиозной традиции в конкретные тексты. Нарратив – это свойство дискурса, одно из средств его существования и структуризации. Дискурс религии один, в его рамках формируются реализуются и взаимодействуют нарративные традиции разных религий (например иудаизма, христианства и ислама как авраамических религий), разных конфессий (для христианства – православная, католическая и протестантская нарративные традиции, неохристианский нарратив и т.п.). Понятие религиозного дискурса дает возможность не сводить христианскую нарративную традицию лишь к вербальным текстам. Оно дает возможность эффективно анализировать ритуальные христианские тексты, разворачивающиеся в процессе синкретического театрализованного действия, например, литургии, таинств и обрядов. В процессе исследования специфики христианского ритуального дискурса установлено, что в религиозном дискурсе степень ритуальности наивысшая. Вербально-невербальный текстовый синтез создает своеобразный сценарий культового религиозного действия, которое не требует верификации, не характеризуется осознанной направленностью на понимание. Ритуальный дискурс христианства предлагается анализировать с учетом его целей, участников, хронотопа, ценностей, стратегий, жанров, прецедентных текстов и дискурсивных формул, степени его клишированности.

Комплексный системный анализ феномена христианского нарратива на разных уровнях его функционирования в обществе и культуре свидетельствует о том, что существование религии невозможно вне нарративных форм ее концептуализации, определенных «культурных кодов». Христианская нарративная традиция в контексте предложенной в диссертации исследовательской методологии представляется как составляющая семиотического пространства христианской культуры. Семиотическое пространство христианства, из этого взгляда, может рассматриваться как множество активизированных семиосфер, вступающих в сложное взаимодействие между собой на разных уровнях религиозно-социальной коммуникации. Этим объясняется неоднородный характер общекультурного фона христианства, при всей его целостности. Чем сложнее религиозная жизнь, тем более существенную роль играют разные фрагменты «семиотического пространства религии» в обеспечении его успешного функционирования. Поэтому с развитием общества все больше внимания религиозная система христианства уделяет повышению организованности этого пространства и оптимизации его функционирования, что обуславливает необходимость периодического усовершенствования знаковых структур, представляющих содержание семиотического пространства христианства и обеспечивающих его внешние проявления. История христианства четко демонстрирует периодическое существование двух разных, хотя и взаимоперекрещивающихся фаз. Одна из них – «утилитарная» – связана с сохранением и постоянным воспроизведением уже существующих знаков, регулирующих поведение верующих на разных уровнях и в разных сферах религиозного бытия. Другая – «символическая» фаза – представляет процессы, направленные на создание новых знаковых систем христианства, выражение в них новых религиозно-социальных целей и ориентиров, когда традиционные религиозно-культурные смыслы теряют эффективность.

Христианство не имеет единого религиозного языка, поэтому существует проблема использования сакральных или же этнических языков в качестве языков богослужения. На протяжении долгого исторического употребления в качестве богослужебных так называемые пророческие и апостольские языки сакрализуются, но затем, вследствие секуляризационных процессов, они большей частью заменяются в богослужении этническими. Поэтому для анализа христианской нарративной традиции целесообразным видится введение термина «метаязык христианства», в качестве абстрактной модели, средства анализа, которое объединяет в себе общие специфические черты объектных языков христианства, т.е. конкретных богослужебных языков определенных этноконфессиональных ареалов христианского мира. Аналитизм метаязыка христианства (дискретность содержания его единиц и возможность их комбинаторики по определенным правилам) обеспечивает возможность формирования христианских текстов как сложных знаков с развитой системой модальности, которая задает религиозному языку как знаковой системе свойство универсальности в выражении как процессуальности религиозного сознания, так и целостной системы христианских представлений о мире как результата Богопознания. Выявление сакрального значения, зашифрованного в знаковом сообщении Откровения, осуществляется путем декодирования, где код – это способ упорядочения знаков в определенную систему, благодаря чему выполняются функции объектных языков христианства. Можно говорить о специальном пласте «метаязыка» религиозной культуры, который дает возможность сопоставлять «частицы» формы, употребляемые на разных уровнях социального устройства, и изыскивать средства перевода форм одной «части» религиозного языка в формы другой.

Христианская нарративная традиция является системой, главная цель которой – мультипликация определенной религиозной информации, трансляция христианских религиозных ценностей. Не только содержание переданной информации, но и способ ее представленности в коммуникативных актах, форма ее организации – оказываются факторами, которые определяют структуру общего семиотического пространства религии. В результате складываются способы интерпретации используемых знаковых систем и понимания

культурных смыслов, которые определяют поведенческие программы религиозного сообщества в целом. Коммуникативная природа христианского нарратива имеет специфические фидеистические черты: он содержит знаки (слова, словесные формулы, выражения, последовательность высказываний и т.п.), которым в коммуникации приписываются трансцендентные свойства, ведь фидеистическая коммуникация противопоставлена земному, «межлическому» общению. Стереотипность текстовых форм, жанровых структур, языковых клише является специфическим признаком христианской нарративной традиции, поэтому христианская религиозная коммуникация является системой со стойким канонизированным типом кодирования, но она не автоматизирует свой язык и процесс общения за счет наличия специфических структурных механизмов, которые обеспечивают «деавтоматизацию» текста в сознании верующих. Принципиальным для понимания специфики канонических текстов является то, что они входят в более широкий класс сообщений, в которых информация сохраняется не в тексте и из него соответственно получается адресатом, а находится вне текста, но требует наличия главного текста – Откровения, как обязательного условия своего появления. В христианской религиозной коммуникации извне получается лишь определенная часть информации, которая играет роль возбуждителя, который вызывает рост информации в сознании получателя. Это самовозрастание информации приводит к тому, что аморфное в сознании получателя становится структурно организованным и означает, что адресат играет намного более активную роль, чем в случае простой передачи определенного объема сведений. Так происходит прирост информации во время передачи канонических текстов, информационное содержание которых в христианстве заведомо предвидимо. Межличностная, специальная и массовая коммуникации в религиозной сфере характеризуют лишь один пласт религиозной коммуникации – человеческое общение в религиозной сфере. Намного более значима так называемая «вертикальная» плоскость религиозной коммуникации, а именно – общение с Богом. Общение обычного христианина с Богом осуществляется как монолог, но не перестает быть коммуникативным процессом. Этот процесс предлагается рассматривать как автокоммуникацию, когда адресат совпадает с адресантом. Прирост информации в случае автокоммуникации также происходит по указанному выше механизму ситуативного привнесения дополнительного или нового кода, «сдвига контекста», когда исходное сообщение перекодируется на уровне единиц его структуры. Причем качественное трансформирование информации приводит и к трансформации ее носителя – сознания верующего.

Христианская нарративная традиция возникает как иерархия текстовых форм разного коммуникативно-назначения и уровня сакрализации. По уровню сакрализации в ней выделяются канонические «богодухновенные» тексты, которые формируют смысловое ядро христианского учения, которое догматизируется. Совокупность текстов Священного Предания и Священного Писания образуют ядро христианского нарратива. Причем к Преданию относятся догматические установки и доктринальные учения христианских церквей, тексты «не богодухновенные, но душеполезные», такие, как некоторые апокрифы, творения Патристики, и т.п. Вместе с тем в христианской нарративной системе выделяются периферийные (маргинальные) текстовые структуры, представленные большим количеством текстов разной жанровой природы.

Периферийные структуры христианской нарративной системы существуют в двух формах: литературной и фольклорной. Литературные тексты, маргинальные относительно Священного Писания и Предания – это проповеди, жития святых, религиозная «массовая литература» и медийные тексты. Фольклорные формы христианского нарратива представлены прежде всего духовными стихами, молитвами, рассказами-меморатами и рассказами-фабулятами о чудесах и другими текстами так называемой «прихрамовой среды». Эти три группы текстов полностью характеризуют культурные запросы христианского сообщества: противопоставление себя «неверующему» миру и доказательство своей правоты («свидетельство»), самоидентификация, утверждение себя в социуме единомышленников («случаи из жизни») и, в конце концов, слияние «горнего» и «дольного» миров, т.е. установление контакта с Божественными силами (молитва).

Между ядерными и периферийными структурами христианской нарративной системы существует тесная взаимосвязь и распределение функций. Священное Писание и Священное Предание сохраняют содержание Откровения неизменным, и потому являются самыми стабильными структурными компонентами нарратива. Их форма и содержание сурово кодифицированы и любые попытки их изменения воспринимаются как еретические. Периферийные же структуры христианской нарративной системы являются гибкими и способны к трансформациям в соответствии с «вызовами времени», этнокультурной и социальной средой. Именно через периферийные структуры христианская нарративная традиция взаимодействует с другими религиозными и культурными дискурсами. Исследование дает основания утверждать, что христианская нарративная традиция развивается за счет медленного перехода новых смыслов и форм, которые возникают и «проходят апробацию» на периферии системы, в более близкие к ядерным нарративные структуры, а со временем интериоризируются и становятся составляющими Предания. Так христианский нарратив сохраняет себя в качестве живого образования от окончательной догматизации и формально-содержательной кристаллизации текстовых структур. Таким образом происходит общий «прирост информации» в замкнутой системе смыслов христианской нарративной традиции.

В результате комплексного исследования установлено, что христианская нарративная традиция представляет собой сложную иерархическую систему литературных и фольклорных текстов разной степени догматизованности и сакральности, целью существования которой является обеспечение фиксации, смыслового сохранения и трансляции в пространстве и времени Божественного Откровения как совокупности морально-этических смыслов, воспринимающихся христианским сообществом как смысложивущие, необходимые для самосохранения человека и человечества. Главным содержанием развертывания христианской нарративной традиции в определенной этноконфессиональной среде является процесс постоянной реконструкции «истории Христа» в разнообразных по жанру и форме конфессиональных текстах и адаптации

ее к конкретным социально-политическим и социокультурным условиям, специфическим для каждой христианской страны историческим типам коллективной субъективизации религиозных символов, интерпретации религиозных текстов и религиозного опыта, общественных форм религиозной коммуникации, насыщенности социально-культурного пространства сакральными компонентами, средствам трансляции религиозных верований и опыта последующим поколениям.

Источники и литература

1. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Агенство «ФАИР», 1998; Горбаченко Т.Г. Вплив християнства на становлення писемної культури Русі-України: релігієзнавчо-філософський аспект: Монографія – К.: Видавничий центр „Академія”, 2001.; Богачевская И.В. Язык религии в контексте национального самосознания. – К., 1999.
2. Богачевська І.В. Християнська нарративна традиція: методологія філософсько-релігієзнавчого аналізу. – К.: Світ знань, 2005.
3. Богачевська І.В. Лінгвістичне релігієзнавство як дослідницький напрямок академічного релігієзнавства // Практична філософія. – № 3. – 2006. – С.159-163.

Кононенко Т.В.

ФИЛОСОФИЯ АНДРОГИНИЗМА

Человек постоянно сталкивается с вопросом, как преодолеть свое одиночество, отчуждение, выйти за пределы собственного «Я», обрести полноту и единение с окружающим миром. Потребность любить и быть любимым является актуальной, значимой и глубокой для каждого человека. Она вычленяет человека из животного мира, способствует его душевному и духовному усложнению, становится фундаментальной потребностью-ценностью.

Любовь – одна из центральных проблем русской религиозной философии. Это проблема и сущности, и существования человека, человеческого рода. Русские религиозные философы рассматривают любовь как смыслодержательный стержень жизни, как наиболее адекватную человеку, личности форму экзистенции. Путь любви – это путь единения. Посредством любви человек воссоединяется со всем сущим, с Богом, восстанавливает изначальное единство и достигает бессмертия.

Целью нашей статьи является презентация и анализ проблемы любви в русской религиозной философии. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к аксиологии, философии любви. Научно-теоретическое значение определяется спецификой аксиологического подхода к проблеме человека, личности, акцентированием любви в качестве базовой ценности.

Среди последних публикаций в области философской антропологии и аксиологии мы выделяем работы Д.С. Берестовской (духовность, актуальные проблемы современной культуры), Г.В. Гребенькова (проблема природы и сущности человека, аксиологический подход к проблеме человека), С.Б. Крымского (проблема человека, ценностей, смысла жизни), В.А. Малахова (этика, философия любви), В.Г. Табачковского (философская антропология), Н.В. Хамитова (метаантропология, философия пола), А.Д. Шоркина (философская антропология).

Первым в русской религиозной философии рассматривает проблему любви как философскую В.С. Соловьев. Он определяет любовь в собственном смысле как исключительное индивидуализованное и экзальтированное половое влечение, акцентируя тем самым половую любовь, ее индивидуальный, избирательный, эксклюзивный характер. Это определение является знаковым для всех представителей русской философии. Традиционно русские религиозные философы, принадлежащие и к неоплатоническому, и к ортодоксально-богословскому направлению, разграничивают, а затем по-новому, по-своему соединяют проблему любви и проблему пола; противопоставляют индивидуальное, личностное и родовое начало; рассматривают проблему любви в рамках религиозной философии.

Русская философия любви, на наш взгляд, уникальна. Она устремляется в вечность и бесконечность. Русские религиозные философы постулируют необходимость сублимации ценностей, в первую очередь любви, то есть того, что уже сублимировано (от потребностей к ценностям), выстраивают иерархию ценностей, иерархию любви. Они представляют четырехступенчатую концепцию любви. Первая ступень – культивирование любви к собственной персоне. В.С. Соловьев пишет: «... всякий человеческий субъект как самостоятельный центр живых сил, как потенция (возможность) бесконечного совершенства, как существо, могущее в сознании и в жизни своей вместить абсолютную истину, – всякий человек в этом качестве имеет безотносительное значение и достоинство, есть нечто безусловно незаменимое... [1, с.138]». Человек должен научиться любить себя, он должен осознать свою ценность, признать за собой безотносительное, безусловное значение. Не зная любви к себе, человек не в состоянии полюбить другого человека. Русский философ констатирует: «Непризнание за собою этого безусловного значения равносильно отречению от человеческого достоинства; это есть основное заблуждение и начало всякого неверия: он так малодушен, что даже в самого себя верить не в силах, – как может он поверить во что-нибудь другое? [1, с.138-139]». Вторая ступень – это любовь к другому человеку, половая любовь. Как отмечает В.С. Соловьев, половые отношения представляют любовь по преимуществу, являются типом и идеалом всякой другой любви. Здесь имеет место восстановление андрогина, соединение двух ограниченных созданий, мужчины и женщины, в одну абсолютную идеальную личность. С точки зрения русских религиозных философов, половая, или супружеская, любовь выступает основанием истинной жизни. Однако, эгоизм вдвоем – лишь промежуточный